

Скачки -2 / повесть

Category: Kitapcy, Powestler

написано kitapcy | 22 января, 2025

Скачки -2 / повесть

* * *

Черкез-волопас проводит ночи на деревянном топчане, сооруженном им как раз посередине между его мазанкой и хлевом. Просыпается он чуть свет и первым делом тянется за табакеркой-наскяды. Отсыпав из тыковки под язык щепоть темно-зеленого жгучего наса, он еще некоторое время лежит, наблюдая как алый солнечный диск неторопливо вырастает из-за дальнего бархана, как светлеет и становится прозрачным, постепенно набирая голубизны, небосвод, как нежные краски зори оживляют угрюмый пейзаж пустыни. В этот ранний час тяжелые складки песка, барханы, плавные линии их склонов рождают грешные мысли о теплом, уютном, манящем теле женщины. Те два дальних бархана, точно тяжелые, полные молока груди... Длинный пологий склон приковывает к себе взгляд, и он медленно скользит к вершине — сердце обволакивает приятная истома, совсем как в молодые годы, когда был рядом с женой, и, лаская, жадная жаркая ладонь ползла по шелковистой прохладной коже бедра... Лучше не думать об этом!.. «Пустыня, Великая Мать, могучая женщина с широкими бедрами, раскинувшаяся во сне бесстыдно, безмятежно на песчаном ложе, все мы, все люди, что ни есть на земле, твои дети, неразумные, непокорные... Откуда же вражда между нами, детьми одного лона? Разве не весь мир дала нам щедрая мать: живите в довольстве, радуйтесь! Но люди алчны, нетерпеливы, завистливы. Всякому хочется иметь больше, чем он имеет. Каждый недоволен своей долей, норовит урвать кусок пожирнее, один хочет владеть всем! Взять хотя бы Ханар... Богом забытый уголок земли, но разве Великая Мать обделила ханарцев? Земли вдоволь, в шумливой Гямисув вода прозрачна как глаз журавля, по берегам речки что только ни растет — и орехи, и инжир, и фисташки. Осенью ветки гнутся от тяжести плодов! Почему же нет лада,

согласия меж людьми? Или от того, что люди не в силах противиться своему року, а он, словно озорной мальчишка, делает, что хочет с ними. Кто доверил пращу этому озорнику? Человек для него, что камень, зашвырнет его куда подальше, а после еще посмеивается...»

Черкеза-волопаса эти мысли не огорчают, напротив... Глупцы барахтаются, выбиваются из сил, сопротивляясь течению, а он давно уже перестал грести, бросил весла, доверил свой утлый челн воле потока. Размышляя о проделках «озорника», он забывает и хвори свои, и суетные тревоги, и угрозы сыновей Дурды-бая, что обещали спалить хлев. В этот утренний час он снова чувствует себя полным сил, как в молодости. Поднимается легко и первым делом отправляется в хлев поприветствовать скотину.

Пять волов и две коровы лениво жуют жвачку. Черкез-волопас подкладывает в кормушки по охапке сена и говорит, говорит, говорит. Скотина давно уже привыкла к его болтовне, не обращает на старика внимания. У коров взгляд доверчивый и кроткий, им и дела нет до забот Черкеза-волопаса. Да и какие у него заботы? Его-то и волопасом прозвали по недоразумению. Он не пасет скотину. Коровы днем пощипывают травку на пустоши за кибиткой, а волов с самого утра и на целый день забирают в поле. Дело Черкеза-волопаса — сторожить хлев ночами, и он выполняет эту работу ревностно. Послышится шорох в курятнике, Черкез-ага уже на ногах, криками «ату!.. ату!» разбудит собаку и та залается лаем, не понимая, чего хочет от нее старик. Если налетят сыновья Дурды-бая и их люди — собака их не испугает, да и старенький кремневый мультук не спасет. Но на душе все же спокойней, когда под рукой у тебя ружье. Однажды, когда Черкезу-волопасу почудилось, что кто-то подбирается к хлеву, он выстрелил в воздух. Все село сбежалось. Мужчины с топорами, с палками... Эта скотина — главное богатство союза «Кошчи». Сторожить ее доверяют не всякому, только человеку надежному. А Черкез-ага как раз такой. В прежние годы односельчане называли его Черкез-грамотей. Теперь мало кто помнит старое прозвище. Но чего только ни позабыли люди за последние десять лет!.. Черкез-ага не боится басмачей. Чего их бояться — лишь бы не

застали врасплох, как его предшественника. Тогда худо. Но его они врасплох не застанут!.. Долгими ночами он думает о людях, которых называют теперь этим бранным словом. Ведь они тоже его односельчане, некоторые родственниками ему приходится. Бывало из одной миски ели, смеялись... Босоногими мальчишками они почтительно приветствовали Черкеза-агу, когда встречались с ним на пыльной сельской улице. Теперь стали врагами, встреча с ними ничего хорошего не сулит.

Все началось с того, что Дурды-бая лишили права распоряжаться водой, отобрали в пользу бедняков часть надела. Человеку, привыкшему повелевать, быть первым, трудно с таким смириться. Продал он иранским купцам своих коней, ковры, и как-то ночью, взяв с собой только младшую жену, погрузив на верблюдов свои сокровища, откочевал из села. Но до Ирана не суждено ему было добраться. За перевалом кто-то напал на маленький караван. Дурды-бая и его жену убили, верблюдов с добром увели. Кто это сделал так и осталось неизвестным. Всякие слухи ходили. Сыновья Дурды-бая говорили, что сделали это члены союза «Кошчи»: кто раз позарился на чужое добро, тот и перед убийством не остановится. Вряд ли они сами в это верили, хотя «Кошчи» и в самом деле был главной причиной перемены их судьбы. Одно время поползли по окрестным селам слухи, что это злодеяние — дело рук Сары-сейиса. Дескать, не смирился с тем, что Дурды-бай продал коней иранцам, вот и отомстил. Бая убил, верблюдов продал, золото спрятал в тайном месте. Только глупец мог выдумать такое. Да, Сары-сейис любил выращенных им коней до самозабвения, но чтоб душу человеческую из-за них загубить... Сыновья Дурды-бая это тоже понимают.

Мстят они союзу «Кошчи». Собрали своих дружков: кого припугнули, кому посулили богатство — и начали настоящую войну против односельчан. Гордые, никак не могут смириться с тем, что все теперь равны. Бай должен делать, что хочет. Все должны ему повиноваться. Такой порядок был веками. Теперь он нарушился. Вот с чем не могут смириться сыновья Дурды-бая: жгут, грабят, убивают людей. Что толку? Хоть они и баи, а в селе жить не могут, прячутся в песках, точно дикие звери. Надо принимать свою судьбу такой, какая она есть, спорить с роком

бессмысленно. Вот чего не понимают сыновья Дурды-бая. Когда Черкез-волопас размышляет об этом, он испытывает внутреннее удовлетворение.

Ведь он и сам знал другую жизнь. Был единственным сыном зажиточного человека. Если ты единственный любимый сын, если родился в богатом доме — все тебя уважают. В прежние времена Черкез-волопас (правда, тогда все называли его Черкез-грамотей за то, что любил поговорить о вещах возвышенных, профилософствовать) принимал это, как должное. Казалось ему, что богатство тут ни при чем, что люди уважают его за силу, за ум. Он не раз отстаивал честь села на состязаниях борцов, и хотя завоевать главный приз ему ни разу не удалось, в глазах всех ханарцев был он настоящим пальваном. К тому же был почителен со старшими и богатством своим не кичился.

Когда отец женил его, все односельчане искренне радовались, что в жены ему досталась самая красивая девушка села, из почтенного рода. Жили они с ней душа в душу. Сыновья (а их было у них трое) уже помогали по хозяйству, когда выпал Черкезу жребий отправиться на тыловые работы в Россию.

С тех пор и переменилась его судьба. Когда он вернулся, жены уже не было в живых. Но сыновья, слава Богу, жили безбедно и дружно. Старшие уже женились, односельчане позаботились о них. Иламана он женил сам. В долги залез, но свадьбу устроил щедрую, как положено. Ровесники хотели и его судьбу устроить — после войны и в Ханаре, и в соседних селах было немало вдов. Да что там вдов!.. Здоровьем его родители не обидели, был он из хорошего рода. Но он отказался наотрез: поздно начинать жизнь сызнова.

Вскоре после свадьбы младшего сына Черкез-ага собрал свой нехитрый скарб и перебрался сюда, в маленькую мазанку рядом с хлевом. Сыновья его отговаривали: двух прежних сторожей — молодых парней — убили басмачи, зачем ему, старику уже, рисковать собой ради чужой скотины. «Разве она чужая? — сказал тогда Черкез-ага. — Разве односельчане мало хорошего сделали для нас всех. Теперь мой черед отслужить миру. А к смерти я привык, одиннадцать лет спал в окопах с ней в обнимку.»

Он не хотел жить в чужом доме.

С тех пор, как он ходит за общественным скотом, Черкез-волопас привык к одиночеству. Дни похожи один на другой. На рассвете он размышляет о превратностях судьбы, потом кормит и поит скотину, когда волов заберут, выгоняет коров пастись, а сам садится пить чай. Пьет неторопливо, с чувством. Но сегодня – день особый. Сегодня – скачки; ради них можно и от чая отказаться!

– Неторопливая утка первой взлетает, – говорит он корове.

– Да, пер-вой...

Корова косит на него взглядом. Большой ее глаз смотрит тупо. Она печально вздыхает, словно сочувствует старику.

Еще вчера Черкез-ага попросил Ильмурада, чтоб пришел подменить его на время скачек. Но и так кто-нибудь бы пришел. Сыновья знают, что скачки для него теперь единственное развлечение. Лишь ради них соглашается Черкез-волопас покинуть свой пост, чтобы недолго побыть среди людей, поговорить с ровесниками, узнать новости. С юности увлекающийся, азартный, он и в старости остался таким. Скачки помогают на время забыть обо всем на свете, быть беспечным и счастливым, как в былые годы. Может это и плохо, что он сторонится людей, но мало кто из односельчан понимает его теперь. Первое время после возвращения в Ханар он надоел всем рассказами о годах своих странствий, о боях, в которых довелось ему участвовать, о далекой реке Дон. Сперва его слушали внимательно, после, когда все его истории село выучило наизусть, стали за глаза посмеиваться. «Знаем, знаем, – перебивал его, усмехаясь, кто-нибудь из стариков, когда Черкез-волопас собирался в очередной раз поведать о своих подвигах, – нам Деник-хан уже по ночам снится.» Никак не могли понять ханарцы, почему их земляк, который отправился на войну, чтобы помогать белому царю, стал воевать с его генералом Деникиным. Теперь только среди мальчишек находил Черкез-волопас благодарных слуша-телей. Они готовы были внимать ему с утра до вечера, а потом, разделившись на «красных» и «белых», носились с криками по селу, устраивали засады, словно саблями, рубились ивовыми прутьями.

Сыновья навещали Черкеза-волопаса от случая к случаю, чаще к нему приходили внуки. Им он был всегда рад. Мучаясь днями от безделья, мастерил игрушки, делал тростниковые дудочки. Когда бы ни пришли внуки, у деда всегда был готов для них подарок. Черкез-ага еще размышлял: стоит ли сегодня затевать чаепитие, как пришел Ильмурад. До скачек было еще далеко, но он сразу заторопился.

— Только не спи. Спящий — наполовину мертвый. Если что, стреляй! — говорил он, пока Ильмурад заваривал чай.

— Чего спешите, отец? Успеете на скачки. Посидите со мной, попейте чайку, — попросил Ильмурад. Молодым в тягость одиночество.

— Нет, нет, сынок... — отказался Черкез-ага. — Медлительная утка первой взлетает, — повторил он свою любимую присказку, решительно переворачивая вверх дном свою пиалу.

Если скачки устраивали в соседних селах, Черкез-волопас, отправляясь туда, запрягал свою лошадь в старую скрипучую арбу. На этой же арбе под ворохом сена хранилось и все его нехитрое имущество: несколько пиалушек, помятый чайник, древнее ружье, которое выдал ему союз «Кошчи», когда Черкез-ага вызвался сторожить хлев. Сегодня он решил отправиться на скачки пешком. Хорошо неспеша пройтись по селу, вспомнить детство. Каждый поворот тропинки, всякое дерево оживляют воспоминания. Как славно ему было бегать здесь когда-то мальчишкой! И как мало переменялось село, а ведь прошла почти целая человеческая жизнь. Кое-кого из ровестников уже нет на свете. Как знать, может, и он идет по этой дороге в последний раз: кто ведает, когда придет за душой человека грозный ангел смерти с обнаженной саблей в руке! Слава Аллаху, что пока достает сил самому добраться до скачек.

Дождь, что пролился вечером, прибил пыль на дороге. Под лучами утреннего солнца образовалась тоненькая корочка, которая трескалась под ногами, как первый осенний лед. Как ни осторожно ступал Черкез-волопас, ему казалось, что чокаи стучат громко и гулко, и этот звук слышит все село. То-то посмеются, что он чуть свет пошел на скачки! Но Ханар в этот

час точно обезлюдел. Возле кибиток он замечал только женщин и детей. Может, все мужчины уже на скачках? Черкез-ага прибавил шагу. Шел, шумно дыша полной грудью. В воздухе был разлит горьковатый аромат цветущей верблюжьей колючки, росшей по обочинам дороги. «Славные сегодня будут скачки!» — подумал он.

Возле старой крепости, осевшие стены которой были изрезаны глубокими трещинами, совсем как старческие щеки — морщинами (кто разрушил крепость: враги, или это время и дожди сделали свое дело, неустойчиво трудясь из года в год — никто из ханарцев не ведал), дорога раздваивалась. Черкез-ага свернул на дорогу рода мятеков, что вела к предгорьям.

В селе обитало два рода: мятеки и дузчи. Дорога, что пересекала село из конца в конец, была границей между ними. Люди жили мирно, по-соседски. И только на скачках каждый род молил Аллаха, чтобы победа досталась их коню. Поговаривали, что и мертвые в могилах на время скачек теряют покой, а проигрыш рода заставляет их страдать и стыдиться. Что ж тогда говорить о живых? Черкез-ага был из рода мятеков, и сегодня он не тревожился, верил, что Шункар не подведет, принесет славу и своему сейису и всему роду. Вот только бы самому не оплошать, как в прошлый раз. Тогда Черкез-волопас, не в силах сдержать восторга, когда конь Сары-сейиса на полкорпуса обошел вороного жеребца из дальнего села, высоко подбросил свою шапку, а поймать ее, увлеченный скачками, позабыл. Когда заезд наконец закончился, он с удивлением обнаружил, что на голове нет тельпека. «Шапки моей не видели?» — спрашивал он соседей, но те только удивленно пожимали плечами. Лишь после того, как все разошлись, Черкез-волопас нашел свой тельпек. Он лежал в пыли, затоптанный сотнями ног.

Была еще одна причина, что заставила его отправиться пешком. На скачках будут самые красивые кони со всей округи. Каждый из них достоин восхищения. Да и те лошади, что не будут участвовать в заездах, тоже прекрасны. И вот заявится он на своей кляче. То-то люди посмеются. Черкез-ага давно уже научился смирять свою гордость, но зачем давать людям лишний повод позубоскалить?

Его нагнали два парня, вежливо поздоровались и остановились, не решаясь обогнать старика. Черкез-волопас сошел на обочину.

— Да вознаградит вас Аллах за вашу почтительность! — ответил он на их приветствие и, щурясь, взгляделся в лица джигитов, пытаясь узнать, чьи они дети. — Ступайте, не задерживайтесь! Если будете за мной плестись, на праздник опоздаете. Эх, медлительная утка...

Парни его не дослушали.

Скачки проходили в небольшой долине. С одной стороны ее были горы, с другой тянулась гряда невысоких холмов. Это место выбрали недавно. Прежде состязания проходили неподалеку от нынешнего жилища Черкеза-волопаса. Там была пустошь, ровная, как ладонь. Но два года назад ее распахали, чтобы сеять пшеницу. Аксакалы выбрали новое место, и оно пришлось всем по душе. Раньше кони ни на миг не исчезали из виду, а теперь вскоре после старта скрывались за холмами и появлялись лишь на обратном пути, когда заезд уже подходил к концу. И неведение, подстегивая воображение, придавало скачкам особую прелесть.

Черкеза-волопаса встретили и провели на почетное место, приготовленное для старейшин. Там, на возвышении, были расстелены кошмы. Народу собралось еще немного. Несколько стариков в молчании пили чай. Черкез-ага поздоровался с ними и присел чуть поодаль.

— Как здоровье, Черкезмухаммед? — окликнул его Сейит Кары. С важным видом он сидел выше всех, устроился там нарочно, чтобы его тщедушная фигурка гляделась солиднее.

Черкез-ага сдержанно кивнул в ответ. Слова Сейита Кары показались ему оскорбительными. Он еле сдержался, чтобы не ответить колкостью. Надо же, жулик, сморчок, чьи воровские повадки навлекли на Ханар столько позора, теперь пытается корчить из себя достойного человека, чуть ли не муллу!.. Всю жизнь прожил прихлебателем у Дурды-бая, вместе с ним и в Иран ушел. Вернулся оттуда без руки — культя до локтя. Всякие байки рассказывает, мол, потерял руку, когда на караван напали неизвестные всадники. Как же!.. Людей не обманешь, всем известно, за что в Иране руку рубят. Когда Сейит Кары, оправдываясь, начинает рассказывать, как первым бросился

защищать Дурды-бая, как отсекали ему руку саблей, и он, не в силах стерпеть боль, упал из седла, что и спасло его от смерти, люди только улыбаются. Но община все прощает. Черкез-ага никак не может взять в толк, почему односельчане позволяют Сейиту Кары себя морочить. Вчерашний вор — теперь воображает себя святошей, учит, как подобает жить праведным мусульманам, и люди его слушают. Иные теперь за честь считают видеть Сейита Кары своим гостем. Черкеза-волопаса всякая встреча с этим мошенником выводит из себя. Так и подмывает вцепиться в его реденькую бороденку! «Надо же!.. Мальчишкой он мечтал, чтобы поговорить со мной, пройти по улице рядом, а теперь цедит слова сквозь зубы, первым спрашивает о здоровье, точно бай. Сказать бы ему!..» Но Черкез-ага не дает разыграться своему гневу: былой славой хвалится лишь бессильный..

Подошел Сары-сейис. Глядя, как его приветствуют, Черкез-волопас на мгновение почувствовал зависть. Оскорбление, нанесенное высокомерным Сейитом Кары, разбудило в душе низменные чувства. Вспомнил, как встретили его самого сегодня: кто улыбнулся, кто досадливо поморщился. Лица людей — словно зеркало. Глядя в него, сразу узнаешь, кто ты есть. Каждый держится с тобой согласно твоему достоинству. Если один, чтоб не обидеть, постарается скрыть свои истинные чувства, то остальные и не подумают это сделать. Но когда Сары-сейис присел рядом, поздоровался, обычное благодушие вернулось к Черкезу-волопасу.

Больше всего ему хотелось бы походить на Мухаммеда-серке, устроителя нынешнего праздника. Вот человек вполне довольный своей судьбой! Иные над ним посмеиваются, считают простаком, но многие — и Черкез-ага среди них — радуются за него чистосердечно. Не деньги, не сила, а почет, уважение земляков больше всего заботит людей, каждый хочет получить долю побольше. В этой дележке Черкезу-волопасу достается малюсенький кусочек, и это его порой огорчает. А вот Мухаммеду-серке все равно. Живет, как сердце велит.

Разве плоха его жизнь? Нет, не плоха, да только не всякому удастся жить так, на других не оглядываясь. Услышал Мухаммед-серке, что в дальнем селе будут скачки, и отправился туда.

Молотить зерно вместо него пришлось Черкезу-волопасу и еще двум членам «Кошчи». Другого, оказавшись он на месте Мухаммеда-серке, проклинали бы последними словами, а тут только посмеивались: что делать, если он такой человек! А когда Мухаммед вернулся и стал рассказывать о скачках, все радовались вместе с ним, словно сами на празднике побывали.

Но не так-то он прост, как иные думают. Не хуже других знает, что не всякому слову стоит верить, что люди преуспели в искусстве находить слабинку в душе другого. Кто ни придет просить помощи к Мухаммеду-серке, начинает расхваливать его коней и только после этого заговорит о своей нужде. А потом еще над ним же посмеиваются, мол, Мухаммед-серке за доброе слово о своих клячах готов душу отдать. Он и в самом деле человек на редкость добрый. Однажды для соседа корову свою зарезал. Просто так, от души. Знает Мухаммед-серке и о том, как страдают, идя к нему с просьбой, те, что не умеют говорить красивых слов. Одного льстеца, когда тот стал сравнивать коня Мухаммеда-серке с конем пророка, отколотил и выгнал из дому. А после, посмеиваясь, объяснил, что сделал так, чтобы уравнивать тех, кто честен, кто, идя к нему с просьбой, переживает, что не умеет льстить, с теми, кто хвалит его ради собственной корысти. И верно, с тех пор в его кибитку льстецы идут с опаской!

— Не рано ли ты, Грамотей, третьей ногой запасся! — заговорил Сары-сейис, разглядывая посох Черкеза-волопаса. — Уж не хочешь ли ты быстрее нас, своих ровесников, на тот свет прийти?

— Это я защищаться... — смутился Черкез-ага.

— От кого это? — удивился Сары-сейис.

— От собак...

— Если так — ладно. Я решил, что ты от старости этой палкой отбиться хочешь!

— Чего мне ее бояться! Поди и ей стыдно к бедняку с просьбой приходить. Все меня позабыли. Даже Ибрафим. По всему селу дань свою собирает, а моя кибитка рядом с кладбищем, только он ее сторонится.

— На бедность свою не очень-то надейся! — Сары-ага

помолчал. — Он никого не милует. Другое дело, скажи, что ты днем и ночью без сна, вот и не выберет время к тебе подобраться. Тельпек привязал сегодня? — спросил он с улыбкой.

Черкез-волопас смущенно покачал головой.

— Не дай бог снова так осрамиться!.. Обо всем на свете забыл, когда увидел твоего Шункара. Этот конь — как песня... Сары-ага мог целый день слушать, как хвалят его коня. Но чтоб не уподобиться Мухаммеду-серке, виду не подал, произнес насмешливо:

— Ты так кричал, Грамотей, — я думал, мертвые из могил встанут. Чуть не оглохли все.

— И сегодня Шункар выиграет главный приз! — воскликнул кто-то, желая обратить на себя внимание Сары-сейиса. Но тот даже головы не повернул.

— А разве буланный Мухаммеда-серке плох?

— Сегодня большие скачки, — сказал Черкез-волопас, желая отвлечь внимание Сары-сейиса от разгоравшегося спора. Никакого понятия у людей нет! Черкез-волопас испытывал неловкость от того, что в присутствии хозяина Шункара начали хвалить других скакунов.

— Да, коней много. Половина в скачках не участвовала, — согласился Сары-ага. И добавил: — Ничего, наш Шункар среди них не затеряется.

Наездники вывели к зрителям коней, заявленных в первый заезд. Шункар в нем не участвовал. Для начала должны были состязаться на короткой дистанции. Главные призы будут разыгрывать позже.

— Этого крапчатого я прежде не видел. Хороший конь! Посмотри, какой рослый. Ноги какие, грудь!.. Быть мне жертвой его стати! — Черкез-волопас с первого взгляда влюбился в крапчатого.

— Да, ухожен хорошо, — сдержанно заметил Сары-ага, но его слова тотчас подхватили, и вскоре мнение сейиса стало известно всем, кто пришел на скачки.

Большинство сейисов было рядом с наездниками. В лохматых белых тельпеках и красных халатах из домотканной «гырмызы» они

давали последние наставления, точно прежде для этого у них времени не хватило. Другие — их было меньше — сидели среди зрителей. Лица у них были точно каменные — всякий боялся выдать свои чувства. И если зрители оценивали сейчас лошадей — сейисы присматривались друг к другу. То один, то другой искоса поглядывал на Сары-ага.

Тот сидел, прикрыв веки, казалось, что он слушает прекрасную мелодию, отдавшись ей целиком, растворившись в ней, и страсти, что кипели вокруг, его не задевают. «Слава богу, что глазами нельзя метать стрелы! — подумал Черкез-волопас, заметив, как зло, завистливо посмотрел на Сары-сейиса проклятый Сейит Кары.

— Где твое смирение, мулла? Небось, смерти ближнему сейчас желаешь. А ведь это только скачки. Не приведи Аллах, столкнуться с тобой, Сейит-мулла, когда спор зайдет не о ковре, а о жизни!..»

Вернулись три всадника, которых посылали проверить маршрут. Распорядитель выслушал их и направился к старейшинам, чтобы получить у них разрешение начать состязания. Аксакалы согласно кивнули. Распорядитель, поблагодарив их поклоном, сбежал с пригорка и зычно крикнул:

— Выводите коней!

К старту вывели семь двухлеток. Среди них выделялась гнедая с огненным отливом. Она грызла удила, рвалась в сторону. Наездник стегнул ее плетью. Этого Сары-ага стерпеть не смог.

— Что же ты делаешь, несчастный! — крикнул он. — Кобыла видит, что соперники у нее сильные, вот и злится. А ты ее плетью...

Вокруг одобрительно зашумели. Тут на круг вышел хозяин гнедой — сухопарый высокий мужчина средних лет с надменным лицом, и стал вслед за Сары-сейисом ругать наездника.

— Вот-вот, вали свою вину на другого! — заорал Черкез-волопас. — Ты ни в чем не виноват?.. Сядь на место, не на тебя пришли смотреть. Не задерживай скачки!.. Перед тем, как на люди выйти, подумай, есть у тебя что им своего сказать!

Длинный торопливо скрылся в толпе, а сидевшие вокруг с интересом и с опаской посмотрели на Черкеза-волопаса.

Во втором заезде был и крапчатый, что приглянулся Черкезу-

волопасу. Сейчас он всем сердцем желал ему победы. А вот наездник, наездник ему не понравился: маленький, вертлявый, в большой белой папaxe, скрывавшей пол-лица, так, что между тельпеком и алой шелковой сорочкой виднелась только узенькая полоска щеголеватых усиков. «Разве этот конь такого наездника достоин?» – с раздражением подумал Черкез-ага. Вдобавок, когда распорядитель махнул платком, давая знак начать заезд, вертлявый замешкался, ушел со старта последним. «Что ж ты делаешь!» – в сердцах воскликнул Черкез-волопас и до боли в пальцах сжал кулаки.

От сердца чуть отлегло, когда крапчатый догнал основную группу и приблизился к всадникам, что вели заезд.

– Ну!.. Ну!.. – шептал Черкез-ага, нетерпеливо ерзая на своем месте. Ему так хотелось, чтобы крапчатый сумел вырваться вперед еще до того, как кони скроются за холмом.

– Давай, Берды! Покажи им! – кричали одни, переживая за наездника, что был сейчас впереди.

– Амангельды!.. Амангельды!.. – неистовствовали другие, и вместе с ними был Черкез-ага. На Амангельды он был, откровенно говоря, зол, но жизнь бы свою сейчас отдал, чтобы крапчатый вышел вперед. Наездник сдерживал коня.

– Ты что скакуну воли не дашь! – вопил Черкез-ага, позабыв обо всем на свете. – Овец сюда пришел пасти, что ли?..

Он так переживал, что если бы страсть старика сейчас передалась крапчатому, тот бы взлетел, как волшебный конь пророка. Увы... Кони должны были вот-вот скрыться из виду, а крапчатый по-прежнему отставал.

С вершины холма ристалище напоминало громадный дутар. Круг, откуда стартовали лошади, вокруг которого сидели зрители, постепенно вытягиваясь и сужаясь превращался в длинный узкий гриф и вдалеке, там, куда были сейчас устремлены все взгляды, скользили по нему, точно пальцы музыканта, кони: то вырывались вперед, то отставали, но все вместе они стремились куда-то, как прекрасная мелодия. И эта мелодия заморозила сейчас людские сердца, заставив позабыть заботы и печали, которыми наполнены будни.

На время кони исчезли с глаз, но вскоре, обогнув лысый холм,

появились снова и теперь крапчатый шел голова к голове с серым жеребцом, что вел заезд с самого начала.

— Эх! — только и смог выдохнуть Черкез-волопас, увидя это.

— Не пропускай, Берды! Берды-ы!..

— Поддай, Амангельды, братишка милый, поддай! Красавец ты мой, не опозорь! Ненаглядный ты мой!..

Чем ближе к концу была скачка, тем сильнее разгорались страсти. Теперь, казалось, что соревнуются уже не скакуны, а сами зрители.

— Давай! — громче всех кричал Черкез-волопас. — Не отстань! Все богатства тебе отдам, кибитку свою подарю...

От возбуждения он, как мальчишка, размахивал руками, брызгал слюной во все стороны, подпрыгивая, точно сам сидел в седле, продвинулся далеко вперед от своего места. В какой-то миг серый чуть было не обошел крапчатого, и тогда Черкез-волопас простонал, словно сердце его разрывалось от боли: — Не пропусти, что скажешь отдам, кибитку... кибитку отдам...

Победил крапчатый; он в самое последнее мгновение вырвался вперед и опередил серого жеребца на полтора корпуса: все-таки заставил его глотнуть пыли из-под своих копыт!

Счастью Черкеза-волопаса не было предела.

— А, Сары, что я говорил!.. Ты сейис, тебе о конях все известно, да только и я кое-что понимаю. Разве я не говорил тебе... — И только тут Черкез-волопас обнаружил, что Сары-сейиса нет рядом. Он удивленно оглянулся: Сары-ага и еще несколько стариков сидели в трех шагах сзади. Место рядом с сейисом пустовало. «Надо же!» — огорчился Черкез-волопас и от досады прикусил губу. Блаженное состояние, в котором он пребывал после победы крапчатого, вмиг улетучилось. Теперь надо было что-нибудь придумать. «Может, сказать, что отсюда видно получше?» — подумал он. — «Нет, уж лучше вообще промолчать», — решил Черкез-ага. Его одноклассники что-то оживленно обсуждали, и он счел, что лучше всего воспользоваться этим моментом. Но, когда он занял свое место рядом с Сары-сейисом, все, как по команде, смолкло. «Может, они надо мной потешались?» Молчание затянулось, Черкез-волопас

понял, что ему надлежит продолжить разговор.

– Похоже и следующий заезд интересным будет, – произнес он, глядя на дальний холм, потом, чтоб проверить впечатление, посмотрел на Сары. Тот наблюдал, как наездник крапчатого получает подарок.

– Воистину он заслужил этого барана! – приобод-рившись, воскликнул Черкез-волопас.

Сары-ага посмотрел на него с улыбкой.

– Половина этого барана твоя, Грамотей! Без твоей помощи крапчатый вполне мог отстать.

Черкез-волопас не успел обидиться: распорядитель подал знак готовиться к очередному заезду. Стартовать должны были восемь лошадей, шесть из которых были из соседнего села. Среди них лучшим был светло-серый, чуть ли не белый жеребец – наездник с трудом удерживал его, ожидая начала скачки. Но когда дали знак, ему помешал вороной, на миг заступил дорогу, и этого оказалось достаточно, чтобы остальные скакуны ушли вперед. Зрители возмущенно закричали.

– Перестань, Атаджан! – крикнул наезднику вороного распорядитель скачек.

Несмотря на это происшествие, серый жеребец, лучший в заезде, показал себя достойно. И все же победить ему не удалось – он пришел третьим. Первым достиг финиша буланный Мухаммеда-серке, золотом горевший в лучах полуденного солнца.

Вот тут-то Мухаммед-серке показал себя. Выбежал на середину круга, оглянулся на зрителей, потом схватил отрез шелковой ткани, назначенной в награду победителю заезда, и приподнес его наезднику, что скакал на сером жеребце. Тот отказывался. Мухаммед-серке уговаривал его и в конце концов уломал. Но этого ему показалось мало, он снял свой халат и протянул его смущенному парню. Наездник насилу отбился. Зрители повеселели, все восхищались поступком Мухаммеда-серке. Ханарцы были на верху блаженства!

И, наконец, настал черед главного заезда, в котором участвовал и Шункар. Лучшие кони округа должны были оспорить приз, назначенный хозяином праздника – Мухаммедом-серке. Текинский ковер, расстеленный на видном месте, на склоне холма, пламенел

среди молодой травы. Каждого наездника зрители приветствовали восторженными криками. Те выезжали один за другим, не сразу, чтобы всякий мог вполне насладиться любовью своих почитателей. Когда появился Мулькаман на Шункаре, Черкез-волопас только языком зацокал от блаженства, словно все слова позабыл, глядя на своего любимца.

— Мульки славный наездник, под стать Шункару, — обратился он к Сары-сейису, который неотрывно следил за тем, как наездники готовятся к скачке. — Понимает коня.

— Не все понимает. Молод пока, — не повернув головы, ответил Сары-ага.

— Так ведь человек за тем и живет, чтоб ума-разума набираться!..

Ответа не последовало.

И в этот, главный заезд Мухаммед-серке заявил своего коня, хотя на победу, конечно, не надеялся. Глядя, как его проводят по кругу, Черкез-волопас, который помнил Мухаммеда сопливым мальчишкой, снова порадовался за своего земляка. Хоть он и молод, а жизнь понимает и умеет ей насладиться. Трех скакунов держал Мухаммед в своей конюшне и всем доказывал, что одного коня человеку мало. «А ведь и в самом деле так! Слишком сильна привязанность человека к лошади, чтобы он мог быть по-настоящему счастливым, отдав свое сердце одной, пусть и самой прекрасной. Мало ли что может случиться: вырастишь ты коня, свяжешь с ним свои надежды, а попадется какой-нибудь Атаджан

— и все пойдет прахом. Может, жизнь приносит нам так много страданий потому, что она у нас одна-единственная? Живешь, ждешь хорошего дня, а он все не наступает. Знать бы, что будет другая жизнь: так и с этой можно было бы примириться, все тяготы стерпеть. Зато уж после пожить на славу!» — Черкез-ага вздохнул. Верно люди говорят, что ленивый богат мечтами!

Между тем уже начался заезд. Дистанция была длинной, всадникам предстояло преодолеть расстояние до села и обратно, потому начали не резво. Зрители, зная, что настоящая борьба развернется позже, почти не следили за ходом скачки. Никто из наездников не хотел вырваться вперед, лошади шли кучно, подняв облако густой пыли. Прошло немного времени и стало

казаться, что столб пыли движется к селу сам собой. Когда он скрылся за холмом, споры, что шли с тех самых пор, как Мухаммед-серке объявил, что устраивает той в честь рождения внука, разгорелись с новой силой. Казалось, что среди зрителей нет двоих, которые бы желали победы одной лошади. Послушать — так всякий прав! Как не поверить, если человек готов биться об заклад, ставит своего единственного барана, другой — новую, не-на-деванную шубу. Вот уже ударили по рукам! Как ни дорог ковер, что выставил в награду Мухаммед-серке, он в три, в четыре раза дешевле сделанных ставок. Если бы Аллах захотел угодить каждому, кто молил Его сейчас о поддержке, все кони пришли бы одновременно, голова к голове, ноздря к ноздре. Но так не бывает — лишь одному уготована победа.

Черкез-волопас ничуть не сомневался, что победителем будет Шункар. Так думали все, кто разбирался в скакунах. У жеребца Сары-сейиса были наилучшие шансы. У этого коня сейчас пора расцвета. Но в таком заезде всякое может произойти. От коня, конечно, зависит многое, но, увы, не все. В седлах сидят люди, а они с недавних пор привносят в соперничество слишком много своей низменной страсти. От такого человека, как Однорукий, всего ждать можно! Черкез-волопас едва сдерживался, так и подмывало крикнуть: «Что вы, глупцы, понимаете!..» тем, кто расхваливал жеребца Сейита Кары, сулил ему победу над Шункаром.

Среди всеобщего возбуждения лишь Сары-сейис был невозмутимо спокоен. Со стороны могло показаться, что ему и дела нет до того, чья лошадь придет первой. Он и в самом деле почти не испытывал волнения. Когда лошади ждали начала скачки, ему хватило одного взгляда, чтобы в последний раз удостовериться — Шункару сегодня нет равных. Лишь две лошади могли бороться с ним по-настоящему: серый, очень похожий на Шункара конь из Дашгуи и жеребец Сейита Кары. Бороться они могли, победить — нет. У серого были короткие ноги, к тому же сейис перепоил коня перед скачкой. Когда наступит решительный момент, пот будет заливать уставшей лошади глаза, мешая бороться в полную силу. А у Сейита Кары хороший жеребец. Имея такого, можно без хвастовства говорить, что ты умеешь готовить коней к скачкам,

и надеяться на победу. Но сегодня этой надежде не суждено сбыться. Опытный глаз Сары-сейиса сразу заметил небольшую опухоль на крупе коня. Надо было пару дней назад освежевать барана и приложить жаркую, окровавленную шкуру к крупу, чтобы опухоль сошла... Сары-ага опасно оглянулся — не догадался ли кто о его тайных мыслях. Лишь Создатель знает, кто окажется победителем. И самый резвый конь, бывает, приходит последним. Все связано в этом мире. Великие цари гибли из-за случайности, что ж говорить о коне — на ровном месте споткнуться может. И в этот самый миг из-за холма появился всадник. Как всегда, это произошло так внезапно, что мало кто из зрителей успел уловить мгновение, пока он был один, чтобы понять, кто ведет скачку.

— Шункар!.. — разом выдохнула толпа.

Но рядом с Шункаром, голова к голове, шли серый из Дашгуи и жеребец Сейита Кары. Сейчас, на повороте, невозможно было понять, какой всадник ближе к желанной цели. Трое вели скачку с отрывом, остальные, растянувшись, преследовали их. Давно ли каждый из скакунов имел своих страстных поклонников, теперь лишь три из них владели умами людей. Другие оказались вмиг позабыты, словно их и не было вовсе. Люди повскакивали со своих мест, размахивали руками, вопили, будто их крики могли прибавить силы лошадям и смелости наездникам.

— Атаджан, гони, гони! — кричал Сейит Кары, размахивая над головой пустым рукавом.

— Мульки-джан, постарайся... Быстрее, мой Шункар, быстрее!.. Прибавь, дорогой, жизни за тебя не пожалею!.. — шептал Черкез-волопас, сквозь стиснутые зубы. Он напрягся, низко пригнулся, точно сам сидел в седле.

Первую половину дистанции Мульки не давал Шункару воли, чтоб тот не вырвался вперед, не задал скачке слишком высокой резвости. Лишь у села, возле старого чинара, где в толпе девушек и подростков должна быть и Курбангуль, он послал Шункара вперед и тот, легко обойдя других лошадей, первым пришел к повороту. Силы коня были почти не растрачены, и он мог бы с отрывом вести скачку до конца, но Мулькаман не сразу разглядел Курбангуль. Он оглянулся, ища ее взглядом в толпе,

заметив, помахал рукой. Шункар, который привык, что во время скачки он и наездник составляют одно целое, растерялся, не понимая, чего хочет Мульки. Этого секундного замешательства оказалось достаточно, чтобы серый и жеребец Сейита Кара сократили разрыв. Но Шункар не дал себя обойти. Постепенно его беспокойство прошло: он шел легко, к нему вернулась уверенность, сознание собственной силы. Когда он, не сбавляя скорости, обогнул холм и увидел впереди пеструю толпу, желание победить, прийти первым стало непреодолимым. «Шункар!.. Шункар!..» — кричала толпа на сотни голосов и эти звуки ласкали его слух. Конь знал, что все эти люди желают ему победы, и он не мог обмануть их. «Чув!.. Чув!..» — крикнул Мульки, привстав в стременах, торопя Шункара. Но нужды в этом не было. Шункар летел как сокол, не видя, но угадывая, что соперники постепенно отстают, не в силах выдержать его резвости.

Шункар пришел первым, опередив жеребца Сейита Кары на полкорпуса. Радости Черкеза-волопаса не было предела. Он со всей силы хлопнул Сары-ага по плечу, от чего тот невольно поморщился.

— Да озарит свет твои очи, сейис, твой конь пришел первым, поздравляю!

Черкез-волопас чувствовал себя уставшим. Он слишком близко к сердцу принимал скачки, слишком переживал за ход борьбы, чтобы относиться к состязаниям, как к развлечению. Теперь, когда все победители были известны, он позволил себе расслабиться, и испытывал настоящее удовлетворение, как человек, выполнивший тяжелую и трудную работу. Он заметил покрасневшего от досады Сейита Кары, и мир показался ему еще прекрасней. Все-таки есть еще на земле справедливость. На миг встретившись с Сейитом Кары взглядом, он усмехнулся с вызовом, дерзко, словно это ему самому удалось сейчас посрамить выскочку.

Нет, не кони сейчас соперничали, люди... Теперь только на скачках, пожалуй, достойный человек может утвердить себя, показать на что он способен. Здесь воздается по справедливости: кто вложил в своего коня больше любви, тот получит сторицей. И дело совсем не в призах и подарках. Разве

Сейит Кары беден, разве не может он купить такой ковер? Конечно, может. И десять таких ковров может купить. Но разве они принесут ему радость! Не ковер ему нужен, а уважение людей. Чтобы гордились им, одноруким муллой, как сейчас Сары-сейисом и его сыном.

Мульки, откинувшись в седле, держа перед собой на вытянутых руках скатанный ковер, медленно ехал по кругу. Он широко улыбался, точно хотел одарить этой улыбкой всех, кто собрался здесь, чтобы каждому передалась частичка его радости. «Мульки!.. Шункар!..» — кричали люди. Совсем так же кричали они совсем недавно, когда кони приближались к финишу, но тогда лица людей были искажены нетерпением, глаза горели от азарта, словно умопомрачение сошло на зрителей. Теперь же лица были просветленными, радостно сверкали глаза — в них не осталось прежнего безумного огня.

Захваченный этим общим восторгом, переполненный им, Черкез-волопас повернулся к соседу, но вместо радости увидел в глазах Сары-сейиса безразличие и усталость. На миг он оторопел, а потом закричал, что было духу: «Сары-сейис!.. Сары-сейис!..» И, усилив многократно его голос, эхом откликнулась толпа: «Сары-сейис!.. Сары-сейис!..»

«Совсем черствым стало мое сердце, если мог я позабыть в такой миг о друге, — думал Черкез-волопас, глядя, как Сары-сейис, поднявшись, прижав ладонь к груди, кланяется людям. — Люди видят только внешнее, не утруждают себя, чтобы добраться до подлинной сути, до самой глубины. Велика ли заслуга этого мальчишки в том, что Шункар выиграл заезд? Люди слепы. Они славят наездника, а того, кто вырастил замечательного коня, подготовил его к победе, позабыли, не замечают в своем ослеплении. Как же не страдать сейису от такой неблагодарности? Да еще как отец он переживает. Мудрено ли? Мало ли наездников погубило зазнайство? Сидишь в седле, смотришь на народ свысока, голова кружится от похвал, от восторгов, токи всеобщей любви хмелят, словно весенний ветерок, — обо всем на свете позабудешь, гарцуя на отцовской славе!»

Объявили последний заезд. Молодые кони, впервые выставленные

на скачки, сразу взяли резво, пошли плотной группой, но люди следили за ними без интереса. Главный приз уже разыгран. А этим, молодым, как ни резвы, еще долго скакать до своего главного приза, до своей славы...

О, шах-тут, великое дерево! Твой ствол подпирает небо, крона твоя шумит меж облаков — нет тебе равных в Ханаре. Ты — падишах среди деревьев! Странники, идущие издалека, по тебе узнают маленькое село на границе песков... О, шах-тут, великое дерево!..

* * *

Powestler